

«НАС НЕ НУЖНО ЖАЛЕТЬ...»

Источник публикации:

Шатырёнок, Ирина. «Нас не нужно жалеть...» [Электронный ресурс] // Камертон. – Режимы доступа: https://webkamerton.ru/2018/05/nas-ne-nuzno-zalet?fbclid=IwAR0oKTOgY1DhwWUqs7xEIciapo_dXggn_U3ekcRNIQXSdRURQUVtEGxWXg ; http://sozvuchie.by/component/k2/item/3229-cherez-vsyu-zhizn-pisatel-vladimir-kolesnik-prones-lyubov-k-zine-maslovskoj.html?fbclid=IwAR1UeECYoaFvhDfiA3bu_rWR_1_5uu7zvLhWe3lt0B-oUEO7n5y0IZyWyn8. – Дата доступа : 14.10.2019. – на рус. яз. – фото.

Белорусский писатель Владимир Андреевич Колесник (1922—1994) родился в белорусской крестьянской семье в деревне Синявская Слобода (тогда в составе Польской Республики, ныне Кореличский район Гродненской области). Кандидат филологических наук, профессор,

заслуженный работник высшей школы Белорусской ССР (1979), лауреат Государственной премии БССР имени Якуба Коласа (1980) – для меня больше известен как крупный советский литературовед, соавтор А.Адамовича и Я.Брыля в их книге «Я из огненной деревни...». В 1956—1988 годы – заведующий кафедрой белорусской литературы Брестского педагогического института, возглавлял Брестское областное литературное объединение (1956—1970), был секретарем СП БССР (1981—1983). Похоронен в Бресте на кладбище Плоска.

В конце земного пути Владимир Колесник закончил рукопись автобиографической книги «Долг памяти», такие труды вынашиваются долго, на протяжении всей жизни. Последнюю книгу Владимир Андреевич, к сожалению, уже не увидел, дорабатывала ее жена Софья Михайловна. Предисловие к книге написал друг писателя, земляк Янка Брыль, и назвал свое вступление «Памятник».

«И я понимал, понимаю значение Колесниковых капитальных литературоведческих книг, включительно с последней прижизненной, “Все человеческое”, однако на протяжении многих лет я не мог спокойно наблюдать, как он из каждой поездки в Минск возвращался за свой брестский письменный стол с множеством новых и новых, в большинстве не совсем обязательных, заказов на статьи, рецензии, отзывы, из-за которых воспоминания снова откладывались, сколько ему о них не надоедал...»

Литературовед В.Колесник много писал о других писателях, это отнимало время и силы, на свои воспоминания времени почти не осталось, в последней книге успел рассказать только о детстве, родителях, соседях, юности, партизанке, почти 600 страниц мемуаров.

Книгу мне подарили на одной из встреч с читателями, вид у нее рабочий, вся в карандашных пометках, закладках. Темы у меня могут меняться, а источник остается прежним – книга «Долг памяти», постоянно ее перечитываю, ищу и нахожу подтверждение своих вопросов.

Титульный лист книги открывается словами «Зине Масловской посвящается». Ничего подобного не встречала раньше в белорусской литературе, тем более в документальной прозе, слишком велика концентрации энергии любви и покаяния, так пишут на исходе жизни, избавляясь от тяжелого груза, когда будущая встреча подготавливает, укрепляет веру – искупить прошлое.

Но больше всего меня поразила одна пронзительная тема – память о светлых чувствах, первой юношеской любви к девушке Зине Масловской, они вместе учились перед войной в Новогрудском педучилище. Зина трагически погибнет в июле 1942 года. Писатель всю жизнь мучился и

казнил себя, что виноват в смерти любимой, вся его книга – непреходящая боль и покаяние.

Так случилось, что начинающий, еще неопытный подпольщик, комсомолец Володя Колесник передал через связного для Зины записку, он собирался уходить в лес, в партизанку, но написал то письмо не зашифрованным текстом, как того требовала тревожная обстановка оккупации и работа в подполье, а открытым посланием. «Еще и еще я припоминал текст письма и ловил себя на том, как моя память начинает давать сбои... Я начинал ненавидеть себя за это малодушное шептание памяти, а тогда она бралась делать что-то обратное: высвечивала и выделяла самый невидимый уголок беды – упоминание Сталина, его призыв – поднимать партизанское движение. “Зачем я это сделал?” – спрашивал я в мыслях, укоряя себя. Угождал своей поганой расторопности? Надо было написать обо всем чистым намеком. Почему бы не написать: “Свадьба скоро, жди сватов, готовь приданое» – и все в таком духе».

«Долг памяти», прежде всего, книга, о не состоявшихся юношеских надеждах, предвоенных мечтаниях, романтической влюбленности молодых людей, и, конечно, образ Зины Масловской, идеализированный писателем. Но он мог себе позволить такую возвышенную идиллию, светлый женский образ помогал ему выжить, перетерпеть все лихие испытания, тяжелые ранения. Часто думал о смерти, как об избавлении страданий, жизнь для него закончилась со смертью Зины, оставалось одно мучительное существование, мир, полный красок и звуков, угас, душа омертвела.

Новогрудский краеведческий музей, как всегда помог мне в моих поисках, зав.фондами Анна Турович прислала предвоенные фотографии Зины Масловской, снимкам прокомментирую историю ее короткой жизни.

Зина Масловская родилась в 15 октября 1919 год на хуторе Митрополь, теперь он в черте Новогрудка, в семье военного фельдшера Владимира Масловского, образование он получил еще в царской России, но польская власть в межвоенный период не подтвердила его диплом, и он не смог работать по своей профессии. Дочь В.Масловского тоже решила стать врачом, закончила медицинские курсы, в первые месяцы войны Польши с Германией работала в полевом госпитале, полученный тяжелый опыт разочаровал ее в профессии. Училась в Новогрудской польской гимназии, осенью 1939 года на советской территории создается Новогрудское педагогическое училище, молодые люди в объединенной БССР заново подают документы. Старший друг В. Колесника по педагогическому училищу Володя Артюх познакомил с Зиной «...которую знал еще по комсомольском подполье на Новогрудчине».

Володя и Зина мечтали получить дипломы учителей и уехать в дальнюю сельскую школу.

ЗИНАИДА ВЛАДИМИРОВНА МАСЛОВСКАЯ

1. Портрет постановочный, скорее всего в фотоателье. Волосы на прямой пробор, вязаная шапочка, зимняя одежда, меховой воротник декорирован под снег. Из-за косметики, фоторетуши лицо потеряло свое естественное, нежное выражение, подведены брови, глаза, губы.

Будущий писатель любил рисовать, у него хорошо получались портреты знакомых, а вот любимой девушки портрет не удался.

«Как передать это движение на неподвижном рисунке? Труднее всего было нарисовать Зинины губы, хотя губы ее также имели классическую правильность, пропорциональность оказалось немного суженной: верхняя губа, легко приподнятая, выдавала чувственность натуры, а нижняя – наоборот – была строго подчеркнута. Когда она смеялась, а смеялась часто, видно было, что рот у нее по античным меркам великоват, открывался ряд белых-белых, густо посаженных зубов. Даже в легкой усмешке можно было рассмотреть снежную белизну ее зубов. Подбородок у нее красиво

подкруглялся, придавая уверенность посадке головы, был он немножко великоватым, но это скрашивалось крошечной кокетливой ямочкой на подбородке. Было в ее лице что-то экзотическое, что-то от гаитянок Гогена. Она и на снимках выходила не совсем похожей на себя... Зина относилась к моему рисованию внимательно, тепло, хотя никогда не льстила хвалебными словами в адрес моих работ. Она просто хотела, я это чувствовал, чтобы я не останавливался на достигнутом. У Масловских оказались в Минске близкие родные (кажется, по отцовской линии). Она привезла мне богатый набор медовой акварели ленинградского завода "Советский художник", несколько колонковых кистей и десятка два тюбиков масляных красок. Для меня этот подарок был целый клад» (В.Колесник «Долг памяти»)

2. «20 марта 1935 г. Собственность З.Масловской». Фото сделано на улице Новогрудка, дневной свет, Зина в белом берете, зимнее пальто, меховой воротник, в руках перчатки. Рядом подруга, она без шапки, короткое полупальто, обувь – ужасная, растоптанные туфли. Девушки, наверное, у магазина, в витрине книги или газеты, перед зданием выложена тротуарная плитка, виден кусочек брусчатки, позади еще не растаял мартовский снег, елка. На тротуар падают тени людей, кто-то из друзей их фотографирует.

3. Новогрудок, исторический центр, насыпной курган памяти Адама Мицкевича, подпись «Воспоминание из молодых лет. 12 мая 1936 г.» На фото Зина с подругой. Весна 1936 года холодная, все тот же белый берет, челка на левый пробор, глазастая девушка улыбается, демисезонное пальто сероватого цвета под черный пояс. У подруги тоже берет, но темнее, из рукавов пальто выглядывают светлые манжеты блузки, в вырезе пальто

белеет воротничок платья, скорее всего девушки одеты в гимназическую форму Новоградской польской гимназии.

«Зина имела хорошо поставленный голос, невысокий, грудной, с каким-то неуловимо лирическим тембром. Она красиво говорила по-белорусски, с такою артикуляционной легкостью и редкой искренностью интонации, что нельзя было не слушать ее речи. Зина любила петь. Все это

получалось естественно, как продолжение разговора. Когда учила меня танцевать, так подпевала, помню, русский романс в вальсовом ритме»:

...Зина была красивой девушкой, здоровой и стройной. Она ходила уверенно, твердо ставила шаг, движения ее рук были экономные. Я не раз ловил себя на том, что люблю, глядя, как она красиво, споро идет, как легко и ловко что-то делает руками. Мне долго не хотелось верить, что такая совершенная личность захочет со мною серьезно дружить, что моя неуклюжая тогда, долговязая фигура может ее обойти. При встречах на меня находила растерянность, к горлу подкатывался терпкий комок. Зина, видимо, чувствовала мою неуверенность, умело снимая подозрительность естественной человеческой доброжелательностью. В ее отношениях ко мне было столько товарищеского такта и даже какой-то материнской нежности, что мне иногда не хотелось верить, что это явь, а не сон. Возможно, многое мне просто казалось, ведь с 1938 года я жил без матери».

4. Фото постановочное, фотоателье И. Мельцера, на заднем плане нарисована картина. Зина Масловская справа, зимний вариант одежды, тот же белый беретик, высоко поставленный воротник, рядом подруга, у нее модный большой воротник, на голове шляпа-чалма. Молодой человек в модной кепке под козырек, белоснежный воротничок рубашки, галстук. «Скобла Иван Ив. Бывший подпольщик, работал вместе с Зиной, 1937 год».

«Поймали Леву каратели, он наткнулся на засаду, которую те сделали на партизан, где-то на островке в неманской пойме между Гнесичами и

Лавришевым. Услышав это, я с горяча сообразил, что Леве, видимо, не удалось уничтожить мое письмо... Что та арестованная – Зина... Значит, мое письмо не просто попало в их когти, но было тут же запущено в следственную машину гестапо или СД и привело – к Зине. А в нем было всего одно имя адресатки. В конце письма стояла также одно – Володя... Конечно, про методы дознаний в гестапо мы были достаточно наслышаны... В любчанском гарнизоне были люди, которые знали, что среди знакомых Леве девушек по новогрудскому педучилищу была Зина Масловская. Лева регулярно ездил через Любчу в Новогрудок по служебным делам, пару раз заезжал во Вселюбскую школу к Зине и Тане перекинуться словом... Я воссоздавал в памяти слово по слову текст своего письма, ругал себя, что не написал более зашифровано: почему бы не поставить вместо имен первые буквы? Жалел, что не обладал ни я, никто другой в нашем подполье секретами истинного шифрования, про эффективность которого не раз читал в детективных романах» (В.Колесник «Долг памяти»)

5. «Масловская Зина, учительница белор., 7-летней школы во Вселюбе (около Новогрудка). Погибла во время войны в гестаповской тюрьме за связь с партизанами, – у нее нашли письмо Вл.Колесника, адресованное партизанам. Новогрудок, 1940-1941 г.»

Любимое место жителей Новогрудка фотографироваться на кургане. Летний день, можно разглядеть на высоком холме цветы, пышные, волнистые волосы подстрижены под каре. Темное однотонное платье, может шелковое, короткий рукав-фонарик, белый круглый воротник. Зина себя сама

обшивала, на левой руке часики. «Есть только один снимок, на котором Зина похожа на себя живую – это снимок возле большого дерева. Зина там в легком летнем платье, и с лица еще не сошло радостное возбуждение от товарищеской беседы с друзьями... Зина любила этот снимок, показывала мне отпечаток и однажды подарила. К сожалению, фото сгорело с моими вещами и документами в первые дни войны. Снимок этот у меня все же есть. Еще один отпечаток взял Алексей Карпюк у Зининых родителей после войны и передал мне. На обратной стороне фиолетовым чернилами начерчена могила с крестом, на могиле каска и написана трагическая дата – “...VII.1942”. Приблизительная дата совпадает с выходом в партизаны первой нашей боевой дружины из Синявской Слободы и Погорелки...» ...» (Дата смерти известна – 31 июля 1942г. Алексей Карпюк после войны станет гродненским писателем)

Зина умела делать разную работу: она сразу после семилетки училась на портниху, имела швейную машинку, шила женскую одежду. У нее была постоянная клиентура в Новогрудке, но она не любила этого занятия из-за монотонности. Одно дело шить для себя или кому знакомому модную вещь, а вторая – заниматься этим ежедневно, шить ради хлеба».

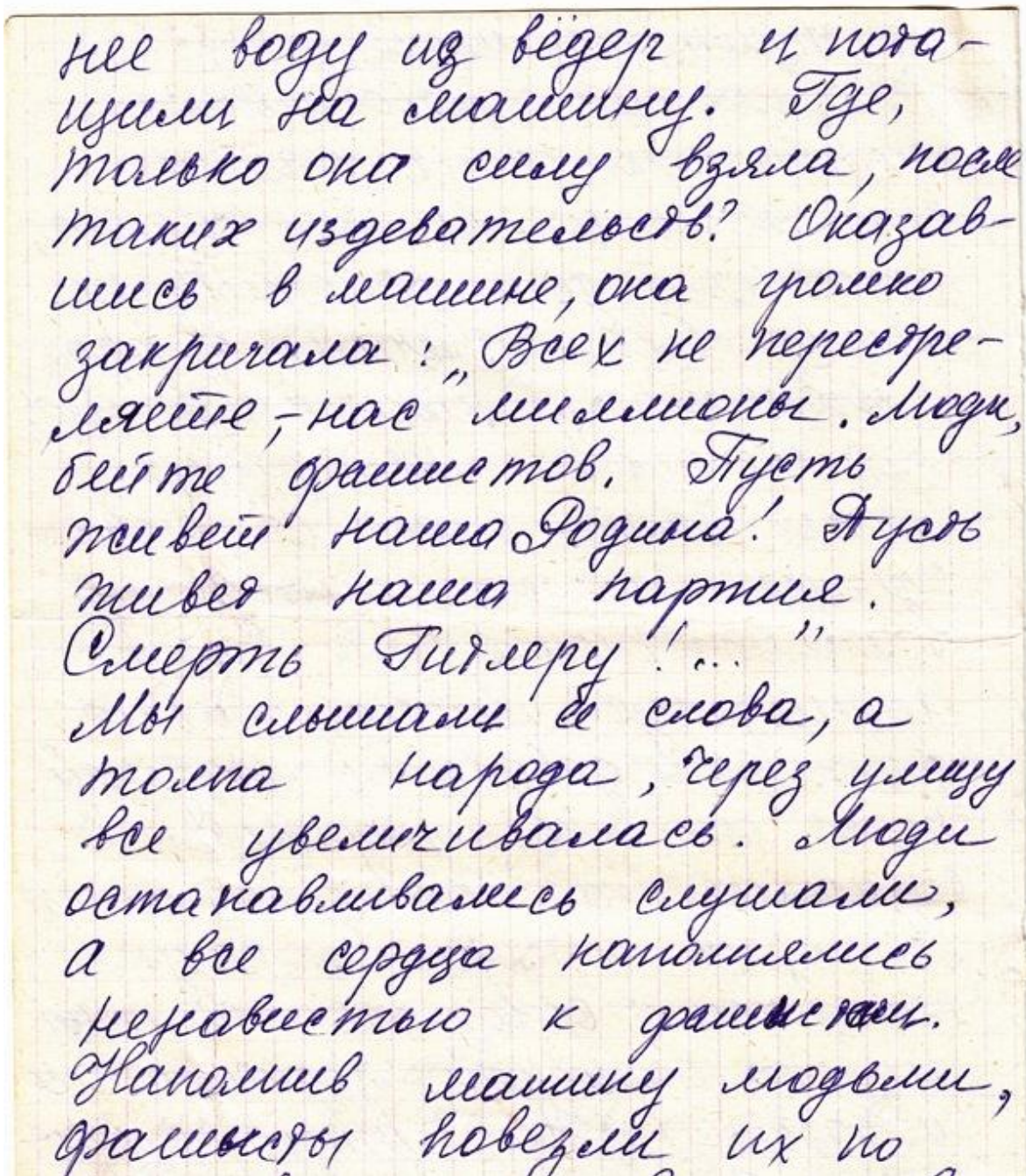
Зина Масловская, будущий писатель Владимир Колесник, будущий белорусский коллаборационист, агент Абвера и ЦРУ Борис Рагуля учились в Новогрудской польской гимназии имени А. Мицкевича. После 1939 года судьбы земляков кардинально разошлись. Б.Рагуля в июне 1939 года окончил подофицерскую школу в Замбруве, с 1 сентября 1939 г. воевал против немцев в составе Войска Польского. (1 января 1920, д. Турец Новогрудского повета – 21 января 2005, Лондон, Онтарио, Канада)

С началом войны Володя Колесник для себя уже определился, с кем ему быть и что делать, в его ближний круг вошла Зина Масловская, любимая девушка, преданный друг Лева Василевский и другие друзья-земляки, учащиеся по педучилищу, старшие товарищи.

«Просили Рагулю, мать на колени падала, выкуп давали”, – снова отзывались в мыслях слова Миши... Мысли переносили меня в довоенный Новогрудок, тихий, безопасный городок. И Рагуля вспомнился еще не антикоммунистом, как нынче. Тогда он вообще увлекался спортом, а политикой, разве что, его дружок Сева Родька». (Владимир Колесник «Долг памяти»))».Зину перед расстрелом всю ночь истязали. Сохранились рассказы свидетелей, 31 июля 1942 г. арестованных вывезли за Новогрудок, 60 человек расстреляли у деревни Скрыдлево на опушке леса. Девушка вела себя мужественно, первой прыгнула с машины в яму, смеялась своим мучителям в лицо, в расстрелах участвовали литовцы-каратели, но даже они опустили

автоматы, расстреливали немцы. В 1946 году тело Зины Масловской перезахоронили на старом православном кладбище города.

В музее хранится письмо однокурсницы, подруги Зины Масловской Р.Фефеловой, свидетельницы, они вместе сидели в Новогрудской тюрьме в июле 1942 года.

нее воду из ведер и поа-
чим на машине. Где,
таково она сама взяла, пока
таких издевательств? Оказав-
шись в машине, она громко
закричала: „Всех не передре-
ляйте, нас мучают. Могли
бить грашметов. Пусть
живей наша Родина! Пусть
живей наша партия.
Смерть Гитлеру!...“
Мы слышали ее слова, а
толпа народа, через улицу
все увеличивалась. Могли
остановившись слушать,
а все сердца качались
неравнодушно к грашметам.
Напалив машину модвил,
грашметы повели их по

Книга воспоминаний написана ярким, живым, поэтизированным словом, все повествование пронизано светлой любовью, писатель точен в деталях, подмечал привычки, обычаи, особенности довоенной жизни, много и трагических страниц, земляки легко узнают родные места, названия знакомых деревень, хуторов, озер, имена и фамилии людей. Невозможно привести все развернутые цитаты, надо читать первоисточник – книгу «Долг

памяти», она давно стала не только историческим, краеведческим и географическим Памятником, но и белорусской классикой, а классику читают и перечитывают.